91.9!74
Ж71

Корякская окружная библиотека
им. Кецая Кеккетына

Библиографический отдел

ЖИЗНЬ И СУДЬБА С. П. СТЕБНИЦКОГО

(методико-
библиографический
материал)

ПАЛАНА 1992 г.

Составитель
Г. В. Овчинникова

Ответственный за выпуск
Т. Н. Терентьева

1131968

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Имя человека, о судьбе которого пойдет речь, принадлежит истории, но дело, которому посвятил он свою короткую жизнь служит людям и сегодня. И если мы думаем сохранить опыт этого дела, его нравственный заряд для себя, чтобы потом передать его по эстафете лет и поколений, то нам важно знать и помнить, каким был этот человек, какую жизнь прожил, что оставил после себя.

Этой цели и служит библиографический материал, который включает в себя биографию Сергея Николаевича Стебницкого, написанную двоюродным братом Леонидом Капицей и опубликованную в журнале «Народное образование». Сергеем Николаевичем Стебницким, кроме научных статей, написаны и книжки для детей. Все они издавались в 30-х годах и можно только сожалеть, что эти книги не были с тех пор переизданы. Поэтому мы и решили включить в эту разработку книжку «Пурга».

Библиография работ С. Н. Стебницкого состоит из шести разделов: «Научные труды, статьи, учебники для северных народностей», «Литературное творчество», «Переводы», «Редактирование», «Библиография работ, имеющихся в окружной библиотеке», «Литература о жизни и творчестве С. Н. Стебницкого».

Расположение материала — алфавитное.

Пособие предназначено широким кругам специалистов: педагогам, историкам, музейным и библиотечным работникам, краеведам, этнографам и всем, кто заинтересуется личностью и педагогической деятельностью Сергей Николаевича Стебницкого.

Камчатская
областная библиотека
ИНВ. №131968

Леонид КАПИЦА

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ РУССКОЙ СЕМЬИ

В этом очерке я расскажу о жизни и работе Сергея Николаевича Стебницкого.

Семья Стебницких была многочисленна и незаурядна. Глава семьи, дед Сергея Николаевича — генерал от инфантерии, действительный член Российской Академии наук, Иероним Иванович Стебницкий известен был как крупный ученый в области картографии и геодезии. Около тридцати лет прожил Иероним Иванович с семьей в Тифлисе, а затем назначен был начальником картографического отдела Генерального штаба в Петербурге.

Иероним Иванович и Парасковья Михайловна (Пчельникова) воспитали пятерых дочерей и двух сыновей. Воспитывались они строго, почти сурово и рационально.

Сергей Николаевич был сыном младшей из сестер Стебницких — Юлии Иеронимовны (за ним сохранилась фамилия матери).

Родился Сережа 19 февраля 1906 года в Петербурге, в котором и прожил всю свою жизнь. Юлия Иеронимовна от рождения страдала глухотой, воспитывать сына было для нее сложно и поэтому к маленькому Сереженьке была приглашена няня.

Когда Сережа подрос, воспитанием и образованием мальчика занялась Александра Иеронимовна. Она преподавала математику и физику в школе, так что со знанием дела могла передать Сереже полный гимназический курс.

Сережа оказался мальчиком очень способным. Хорошо подготовленный Александрой Иеронимовной, он в 19 лет окончил филологический факультет Ленинградского университета.

В выборе профессиональной направленности и особенно в дальнейшем формировании Сережи как ученого большое влияние на него оказала Ольга Иеронимовна, еще одна из сестер матери. У нее было два сына: Леонид и Петр. Оба значительно старше Сережи. К тому же семья Капиц жила в Кронштадте, где муж Ольги Иеронимовны был видным строителем кронштадских укреплений. Так что в детстве Сережа почти не встречался со своими кронштадскими родственниками. По-другому все стало, когда Капицы в 1912 году переехали в Петербург. Ольга Иеронимовна много и плодотворно занималась вопросами детской литературы и фольклористикой, а старший сын ее мог заразить своего двоюродного брата романтикой северных путешествий. Так или иначе, но дальнейший путь Сережи был связан с гуманитарными и этнографическими исследованиями.

По окончании университета Сергея Николаевича оставляют ассистентом на кафедре этнографии при университете, и он посвящает себя отныне изучению языка и быта народов Дальнего Севера. «Узкой» его специализацией стал коряцкий язык и этнографические исследования жизни и быта этого крохотного народа.

После окончания аспирантуры Сергей Николаевич поступает в институт народов Севера.

В 1928 году в судьбе Сергея Николаевича произошло важнейшее событие. Двадцатидвухлетнего молодого ученого командируют на далекую Камчатку учительствовать в коряцкой школе.

По возвращении Сергей Николаевич очень живо и ярко описал свое учительствование в книгах для детей и научных статьях.

Что характерно для этих книг? Я не говорю, конечно, о необыкновенной достоверности и обилии чисто этнографического материала. Главное — та «тональность», в которой написаны книги.

Книги пронизаны необыкновенной теплотой и доброжелательностью к людям, среди которых жил Сергей Николаевич. Нигде, ни в малейшей степени не возникает у читателя ощущения «примитивности» коряков. Наоборот, читая эти книги, вы начинаете понимать, как тонко, как одухотворенно воспринимают коряки окружающую их природу и животный мир. Насколько слиты они с природой. Начинаете понимать, что только такое общение позволяет им выжить в своем суровом краю. И даже шаманство, которое мы привыкли пренебрежительно осуждать, предстает как неотъемлемая, органичная и даже порой необходимая часть жизни. Это не выражение «темноты» народа, а скорее своеобразная философия.

И последнее. В книгах его очень органично передан строй коряцкого языка, лаконизм и точность их речи, мастерски включены слова и целые фразы, звучащие по-коряцки. Они не затрудняют чтение, а наоборот, придают повествованию необыкновенный колорит и сочность.

Можно только пожалеть, что книги эти не получили своего повторного издания.

99 процентов неграмотных. Практически грамотных насчитывались единицы. А национальная грамотность попросту отсутствовала. Поэтому преподавание в школе, а в дальнейшем создание национальной письменности было делом и необходимым и чрезвычайно сложным. И Сергей Николаевич Стебницкий явился первопроходцем в этом деле. Коряки до сих пор хранят память о нем. Он был не просто учителем, он стал просветителем, стал большим другом коряцкого народа. Сергей Николаевич искренне стремился вникнуть во все нужды и боли окружавших его людей. По мере сил помочь им. А уж детишки души не чаяли в своем учителе. Небольшого роста, вихрастый, худощавый, подвижный, веселый, он выглядел порой не учителем, а старшим товарищем своих учеников. Однако никакого панибратства. Авторитет его был непререкаем И относились к нему ученики с любовью и уважением.

В те далекие 20—30-е годы Камчатка была для ленинградцев «краем света», самой восточной окраиной России. Краем неведомым и загадочным. В наше время это всего 8 часов полета. Ничего особенного. А Сергей Николаевич добирался туда 20 дней на поезде и еще целый месяц пароходом. Пароход был грузопассажирский, он шел вдоль побережья, доставлял груз и людей в крупные порты и небольшие поселки.

Вот в одном из таких коряцких поселков на тихоокеанском побережье северной Камчатки, в поселке Опуке, и высадился в августе

1927 года единственный пассажир — Сергей Николаевич Стебницкий. От парохода до берега пришлось добираться на лодке, которую на канате тащил катер. «...Перекинули на берег узкую доску-сходни. Я сошел по ней и тотчас же очутился в тесном кольце людей. От их кожаной одежды шел кисловатый запах. Мою правую руку брали и трясли:

— Амто, приятель! — здоровались со мной. Так я приехал на Камчатку», — вспоминает Сергей Николаевич.

Из поселка Опука он переехал в районный центр, но уже в конце ноября перебрался в поселок Кичигу к месту своей постоянной работы. До Кичиги добирались на нартах с собачьей упряжкой. Попали в сильнейшую пургу, с трудом добрались до поселка.

Как оказалось, школу разместили в крохотной полуразвалившейся церквушке, оставшейся еще от царского времени.

Тут я позволю себе привести маленький отрывок из книги С. Н. Стебницкого «У коряков на Камчатке». Отрывок этот дает представление о том, в каких условиях и как велись занятия.

«Я снял замок с двери школы. Вошел. Помещение церкви было переделано под класс, украшено портретами, плакатами, цветными гирляндами. Чуть не на самой середине класса торчала неуклюжая самодельная печь, недавно сложенная, но уже скосившаяся на бок. Много беды нам было потом с этой печью. Четыре парты, облупленные, поломанные, стоят возле левых окон. И больше ничего.

Я прошел через класс в отгороженный алтарь, там отведена мне квартира. Два узких запыленных окна в полукруглой задней стенке. Шкафчик с учебниками, перевязанный веревками, чтобы не развалился. Койка — кое-как сколоченная из досок. Колченогий стол и табуретка — такова обычно мебель в квартире каждого камчатского советского работника. В углу — печурка, такая же ненадежная, как и в классе. Дверь отворяется. Высовываются лохматые черноволосые головенки, раскосые глаза глядят пытливо и немного испуганно.

— Амто! — приветствую я веселым голосом. И тотчас же в моем алтаре становится тесно от мохнатых юрких фигурок, больших и маленьких. Мы пытаемся завести разговор. Они умеют немного говорить по-русски, а я знаю несколько десятков слов по-коряцки. Вытаскиваем первую попавшуюся книжку, пробуем читать. Они стараются перещеголять друг друга, хотя почти ничего не знают. Через полчаса у нас уже установились самые приятельские отношения.

В школе шум, возня. Дрова принесены. Печка затоплена (дымит немилосердно). Чайник закипает. Вещи мои перетащены и разбираются общими усилиями. Всем весело.

— Ну, а теперь чай пить!

Моментально расхватывают чашки и блюдца. Всем не хватает. Но это их не смущает. Неприхотливые гости пьют из крышек от чайников, из жестянок. Предусмотрительно заготовленные мною пряники и конфеты делают нашу встречу настоящим праздником. На завтра я назначаю первые занятия.

С первых же дней работы я увидел, что коряцкие ученики — это совсем особенные ученики. Во второй или третий день занятия у нас затянулись до сумерек. Помню, мы разбирали какой-то отрывок из хрестоматии, стараясь возможно точнее перевести на коряцкий язык каждое слово. Ребятам это занятие нравилось, они старались перещеголять друг друга в точности перевода. Вдруг наладившуюся работу прервал тонкий голос 13-летнего Лигргына:

— Учитель, уже темно. Ты меня домой пусти.

Я удивился. — Зачем? Вот кончу урок — всех отпущу.

— Нет, ты меня пусти. Моя юрта далеко. Если я один пойду в темноте, мне нинвиты худое сделают.

Я знал уже о том, как сильна у коряков вера в злых духов — нинвитов. Что мне было ответить моему ученику? Я решил обратить дело в шутку. Усмехнувшись, махнул рукой:

— Ну да, нинвиты. Это только ваши старухи про них сказки рассказывают.

Ученики повскакивали с мест. Заговорили все разом. У некоторых даже глаза заблестели.

— Как? Ты не знаешь! Ты только что приехал, — как ты можешь знать, что у нас есть? Может быть, у вас русских, нет нинвитов, а у нас есть. Это правда. Спроси у кого хочешь. А я и сам видел...

И посыпались рассказы, один другого убедительнее. Я молчал и слушал. Возмущение ребят было не шуточное.

— Ладно! Поучитесь хорошенько, поймете, что ваши нинвиты — выдумка. А пока — что с вами сделаешь, — думал я.

Каждое утро у меня начиналось так. Едва забрезжит рассвет — уже слышу топот ног и звонкие голоса в классе. Открывается дверь моего алтаря, тесное помещение наполняется шустрыми бесенятами в мохнатых кухлянках.

— Учитель, вставай, учи! Сейчас светло будет.

Встаешь и частенько с полчаса приходится ждать, пока рассветет.

Занимались ребята старательно. Жадно ловили каждое мое слово. Тщательно выписывали в тетрадку каждую букву. Сами составляли себе русско-коряцкие словарики. Не уставали по часу просиживать над одной задачей. Но на втором или третьем уроке чуть не каждый день начиналось одно и тоже.

— Тише, ребята!

— Да, тише. Холодно. Тебе хорошо, ты руки в кухлянку запрятал, а у нас пальцы замерзли. Писать не можем.

Они были правы. В классе мороз. Ветер свободно разгуливает по классу, прорываясь сквозь щели в стенах бывшей церковенки. Парты сдвинуты к печке. Но напрасно. Печка совсем не греет, а только дымит.

На 4 партах теснятся 14 учеников. Они сидят в меховых кухлянках и поминутно дуют на руки. Парты ходуном ходят от малейшего их движения. На 14 человек — всего 3 чернильницы. Тетрадки самодельные из толстой бумаги. Классная доска — оборотная сторона какой-то иконы.

В такой обстановке самым прилежным ученикам трудно сохранять внимание и быть смирными. Но ученье — не баловство. Я повышаю голос:

— Вы слышите, тише!

— Холодно! Замерзли! Сделай перемену!

— Перемена только что была. Если вы не будете сидеть тихо, я не буду объяснять землю.

Это заявление действует на них магически.

— Нет! Нет! Мы будем сидеть тихо!

И действительно, даже самые шаловливые моментально превращаются в образец прилежания.

«Объяснять землю» — это значит рассказывать о жизни негритянских, индусских, китайских, европейских рабочих и крестьян, рассказывать о производстве всевозможных вещей и продуктов.

И слушали же они на этих уроках! Рты раскрыты. Лохматые головы, насторожившись, торчат из мохнатых кухлянок. Раскосые глаза блестят не мигая.

Конечно, как на всяких ребят, приходилось покрикивать на них за шалости, за мальчишеские проделки на уроках, но за невнимание, за лень — ни разу.

После третьего, четвертого урока, бывало, скажешь — Ну, ребята, на сегодня хватит. Идите домой.

В ответ затянут несколько обиженных голосов:

— Нет, нет, еще учи. Мы будем сидеть тихо».

Сергей Николаевич написал отдельную книгу, посвященную коряцкой школе — «Школа на тундре». В очень живой, беллетристической форме он подробно рассказывает и о том, как учил детишек и о самих детишках. Об их жизни, обычаях, играх, поверьях. Возникают яркие портреты его учеников.

Сергей Николаевич не только учил, но и сам учился. Первый раз приехал он на Камчатку со знанием всего нескольких десятков местных слов. Изо дня в день вел он свои научные записи. В специальные тетради записывал новые слова и обороты. Записывал свои этнографические наблюдения. Им был собран обширнейший и бесценный научный материал.

Как учителю, ему «на ходу» приходилось решать множество методических вопросов, приходилось придумывать, как объяснять ребятишкам совершенно чуждые для них понятия. Почти никто из детей, например, никогда не видел колеса. Недаром понятие «колесо» передается по-коряцки как «вертящиеся полозья». Аэроплан воспринимался зачастую как «летучий нинвит», злой дух. Доходчиво объяснить понятные для европейских детишек «с пеленок» вещи было чрезвычайно трудно. Приходилось вживаться в образное мышление коряцких детей. Находить понятные для них аналогии.

В одной из своих книг Сергей Николаевич рассказывает, как однажды удалось ему преодолеть у ребятишек страх перед пресловутыми «нинвитами».

Умер старик Хаунто. По коряцкому поверью в землянке умершего поселяются нинвиты. Землянку забрасывают, обходят ее, делая большой круг. Как убедить ребят, что жилище безопасно и можно не удлинять путь от школы домой? Сергей Николаевич на глазах у перепуганных ребятишек залез в землянку. И, вопреки ожиданиям ребят, не умер. Но для преодоления страха этого оказалось мало. В землянке учитель нашел целый выводок мышат. И вот, раззадоривая детское любопытство он добивается того, что самые храбрые, а потом и все остальные, начинают наблюдать, как он подкармливает мышек. Дальше — больше, и в конце концов ребята залезают с ним в «зачумленную» землянку и с восторгом возятся с мышатами. Для них это понятное образное воплощение жизни, противостоящее «злому началу» нинвитов. Так был заложен первый камешек в борьбе с нинвитами.

Сергей Николаевич врачует местное население (конечно, в каких-то легких случаях), показывая, например, что и он может не хуже шамана помочь больному.

Сергей Николаевич дважды приезжал на Камчатку. Всесторонне и глубоко изучил он быт коряков. Он знал нужды и заботы коряцкого народа. Тяжелые и опасные условия его быта. В книжке «Пурга», обращенной к детскому читателю, он рассказал о непреложных законах, взаимовыручки, о благородстве, справедливости и самоотверженности коряков. О становлении первых кооперативов, о появлении «оленных лекарей» — врачах -ветеринарах. О традициях и новых чертах коряцкого быта.

Но все же главным объектом его изучения были дети. В своих книгах Сергей Николаевич рассказывал не только о школьной жизни ребят. В книжке «Эгги-охотник» он повествует, например, о том, как 11-летний мальчик впервые самостоятельно с ружьем отправляется на охоту. О том, как зорко и тонко он умеет читать книгу природы.

А вот о столкновении старого с новым, о том, как трудно бывает преодолеть порой привычные взгляды с большим тактом и мягким, необидным юмором рассказано в небольшой книжечке «Летучий нинвит». Знание множества бытовых деталей позволило Сергею Николаевичу сделать рассказ о появлении в тундре первого аэроплана очень живым и убедительным, а обильное включение коряцких фраз воспринимается органично и чтению не мешает.

Очень близко по настрою к «Летучему нинвиту» и книга «Ненуче-делегат». Перед автором стояла сложная задача показать глубокие социальные преобразования, происходящие в жизни коряцкого народа. Показать без иронии или насмешки доброжелательно и убе-

дительно для детского читателя. Когда житель «коряцкой глубинки» впервые плывет на пароходе, впервые попадает в Петропавловск, большой город, конечно же, он сталкивается со множеством непонятного, удивительного, допускает массу промахов. Но и в этом случае Сергей Николаевич нашел правильный тон. С истинным достоинством. С большой практической смекалкой сумел Ненвуче-делегат высказать насущные интересы своих сограждан, способствовать тому, чтобы они получали действительно необходимые для них вещи. Глубокое знание материала и доброжелательный юмор и в этом случае оказались хорошими помощниками Сергея Николаевича.

В 1927 г. по инициативе Ольги Иеронимовны Капицы (тети С. Н. Стебницкого) был поставлен вопрос о создании Комиссии по детскому фольклору, быту и языку. 11 июня состоялось первое заседание членов учредительной комиссии, а 6 декабря Комиссия по детскому фольклору, быту и языку была учреждена при Государственном Русском Географическом Обществе. В состав комиссии с 1928 года вошел и Сергей Николаевич Стебницкий. Материалы комиссии публиковались в специальном сборнике «Детский быт и фольклор» под редакцией О. И. Капицы, издание Гос. Русского Географического Общества. В первом номере сборника отмечается: «27 ноября (1928 г.) доклад С. Н. Стебницкого «Быт детей коряков»: доклад явился результатом этнографических наблюдений, сделанных С. Н. Стебницким в течении годичного пребывания среди коряков в качестве учителя. Доклад дал ряд исключительных по значению материалов и вызвал большое количество вопросов».

А докладчику было всего двадцать два года. Его работа начала восполнять тот пробел, на который указывали члены комиссии в своих статьях. В одной из них говорилось например: «Поражает ничтожное количество работ по детскому быту и материальной культуре, почти нет работ и материалов о нацменьшинствах. Этнография детского возраста представляет непочатый угол работы».

Однако Сергей Николаевич представил комиссии не только этнографический материал. В этом же сборнике им опубликована запись и перевод коряцкой сказки «Мышата».

Специально детских сказок у коряков нет, — отмечает Сергей Николаевич. — Но эта сказка является как бы исключением. Она почему-то пользуется особой популярностью среди ребят. Ее знаю буквально даже 5 — 6-летние... Должен сказать, что в печатном виде, да к тому же еще в переводе, сказка эта не передает и половины впечатления, остающегося от живого рассказа. Вся прелесть ее заключается в темпе и интонациях, с какими передаются те или иные места, главным образом чьи-либо собственные слова, реплики...»

Может быть, преодолевая страх ребят перед нинвитами, Сергей Николаевич интуитивно нащупал пути к сердцам детишек, для которых мышата являлись персонажами их любимой сказки. Олицетворением добра и беззащитности.

«Удивительное мастерство коряков в передаче сказок делает понятным, почему коряцкие дети не пропускают буквально ни одного вечера, чтобы не упросить кого-нибудь из взрослых рассказать

сказку. Если же это не удается, то они принимаются за дело своими силами... , ... Мальчик или девочка, умеющие хорошо рассказывать сказки, пользуются у остальных ребят величайшим уважением».

Сергей Николаевич и сам был блестящим рассказчиком и тем, наверное, помимо всего прочего, снискал себе любовь и уважение и коряков и всех своих друзей. Он легко и непринужденно входил в чужую жизнь. Он понял простую истину: если хочешь узнать народ, надо жить так, как он. Вместе со всеми сидеть в дымных землянках, вместе с коряками пить чай с блюдечек, руками есть мясо с обеденных досок. Слушать пение и завывание шаманов. Зачастую спать в меховом пологе. И вовсе не для того, чтобы прикоснуться к «экзотике», а для того, чтобы что-то понять. Поэтому, прожив с коряками всего год, он так много сумел увидеть и разгадать.
Даже ритм детской сказки, разве ухватишь его, не прослушав ее собственными ушами множество раз.

В развитии доклада, сделанного на заседании Комиссии по детскому фольклору, Сергей Николаевич публикует вскоре обстоятельную статью «Коряцкие дети» (журнал «Советский север» № 4 за 1930 год.). В этой статье, очень содержательной и емкой, он как бы подводит итог своим годичным наблюдениям. Статья посвящена не только детям, но всему укладу жизни коряцкой семьи. Основной тезис: уклад жизни определяется условиями выживания. Существование коряков настолько сурово, что лишь постоянный тяжелый труд всей семьи может это выживание обеспечить.

Сергей Николаевич приходит к интересному выводу: «Вообще надо сказать, что резкого разделения на детей и взрослых у коряков нет. Дети равноправные и равноуважаемые члены общества. За общей беседой их слово выслушивается так же внимательно, как и речь взрослых. Мне часто приходилось слышать, как отец совершенно серьезно советуется со своим 12—13-летним сынишкой... Если нет резкого деления на детей и взрослых, то разделение по признаку старший и младший проводится очень резко. Будь я хоть на один месяц старше своего собеседника, я могу заставить его сделать все, что мне угодно, в особенности если он мой родственник. Когда ребята не слушались меня на уроках, мне приходилось взывать к благоразумию старших учеников. И последствия их слов бывали совершенно чудодейственны... То же самое явление в точности имеет место и у взрослых».

«В хозяйственной жизни особенно проявляется самостоятельность детей. Существует целый ряд хозяйственных отраслей и работ, исполнение которых лежит всецело на детях. Как правило, предельным сроком беззаботного детства считается 9—10-летний возраст. В этом возрасте мальчик идет первый раз в стадо. В этом же возрасте девочка первый раз берется за кривой нож для кройки шкур, первый раз продевает в иголку нитку из оленьих сухожилий». Сергей Николаевич подробно рассказывает и о всех видах детских работ и об их играх в период короткого досуга.

«Самые распространенные игры — охотничьи. Самодельные луки и стрелы или самострелы, типа древнерусских, круглый год не выходят из рук ребят... Сюда же надо причислить... пращу» и, наконец, «...аркан такой же непременный спутник их, как и праща.

Они не могут пройти мимо колышка, сколько-нибудь выдающегося над землей, мимо куста хоть самым кончиком торчащего из-под снега, не испытав на нем меткость своей руки...».

«Малейший спор разрешается борьбой. Кто одолеет, тот и прав. Сила, ловкость — качества самые уважаемые коряками...».

Описывает Сергей Николаевич и множество «домашних» игр.

В 20-е годы весь собранный материал имел неоценимое значение как своей новизной, так и необыкновенной достоверностью. О жизни народов Камчатки было известно мало, особенно о детях.

Однако для самого Сергея Николаевича главным было не собирание этнографического материала, а глубокое и всестороннее изучение коряцкого языка. Начав с нескольких десятков слов, к концу своего пребывания он свободно владел языком, обладал большим словарным запасом, освоил структуру языка. Конечно, изучать язык народа, не постигая при этом его жизни и быта, невозможно. Поэтому этнографические и языковые изыскания тесно переплетались.

Во время своего пребывания на Камчатке, Сергей Николаевич утвердился в мысли о необходимости создать местную письменность. Он увидел, что для национальнього объединения, сплочения разрозненного кочевого народа, для создания местных экономических, торговых и культурных центров необходима своя национальная грамотность.

И вот по возвращении в Ленинград он вплотную приступает к работе над созданием букваря, а точнее «учебной книги», как назвал он свой труд.

Бытовавшее в прежнее время понятие — коряки (корякский язык) было заменено на принятое к тому времени в науке понятие — нымылане (нымыланский язык).

Главная трудность состояла в том, что нымыланский язык распадается на несколько диалектов, а те в свою очередь, на говоры.

Однако 50 процентов нымылан составляют кочевники-оленеводы, вот их диалект и был признан основным. Но диалект кочевников не был в то время никем записан. Пришлось обратиться к говорам, наиболее близким к диалекту кочевников, — каменскому и апукинскому. Дальнейшую работу над книгой Сергей Николаевич описывает так:

«На каменском говоре имеются записи проф. В. Г. Богораза-Тана, изданные в Америке. Что касается апукинского говора, то в Ленинграде в настоящее время находится уроженец с. Апуки, студент Ленинградского института народов Севера Эвытькан. Он знает и каменский говор и частично также диалект чь'авчьу (кочевников»).

Предполагавшаяся для составления букваря экспедиция на Камчатку не состоялась. Тогда началась работа непосредственно в Ленинграде.

«Текст букваря тщательно проверен и просмотрен мною совместью со студентом Эвытьканом, в проверке букваря принимали участие также студенты Н. Гуторов (с. Карага), Н. Наянов (с. Ивашка),

Нужалхут и Кичгинтан'яв (с. Апука). Когда букварь был уже в производстве, он был еще раз просмотрен членом нымыланского Окрисполкома Качхилайвыном. Зачилэйвын, житель с. Каменского, приехал в Ленинград специально для просмотра букваря из Москвы, где он участвовал в пленуме Комитета Севера при ВЦИК в качестве делегата от Нымыланского округа.

Таким образом большая часть диалектов и говоров нымыланского языка у нас в Ленинграде была представлена».

Конечно же, составленный таким образом букварь, изданный в 1931 году, нуждался в доработке, проверке, корректировке, но при этом он закладывал надежный фундамент новой письменности.

Создание письменности для малого народа переоценить трудно. Это своего рода научный подвиг. Начав в 1927 г. практически с нуля, он в 1932 году издает учебную книгу на нымыланском языке. Следует учитывать, что двадцатые, начало тридцатых годов в жизни нашей страны были очень непростыми.

Этнографические изыскания Сергея Николаевича также внесли значительный вклад в советскую этнографию.

И в писательском творчестве Сергея Николаевича неизменно присутствуют черты новаторства. Он ввел в детскую литературу совсем особый жанр — «этнографический». Его книги рассказывают о повседневном быте, занятиях, поверьях народа, об его обычаях с такой достоверностью и яркостью, что юный читатель невольно становится причастным к жизни далекого неведомого для него доселе народа.

Сергей Николаевич завоевал любовь коряков. Он был истинным педагогом-просветителем, отдавая всего себя коряцким детям. Воспитанный в лучших традициях ленинградской интеллигенции, он не был «интеллигентом белоручкой», он брался за трудную неблагодарную работу.

После экспедиций на Камчатку и издания «Букваря» Сергей Николаевич продолжает заниматься научной работой.

В 1937 году он защищает диссертацию на звание кандидата филологических наук.

Вспоминая о людях, подобных Сергею Николаевичу Стебницкому, об их труде, их подвижничестве, мы черпаем уверенность в незыблемости нашей национальной культуры. И следуя их примеру, должны стремиться к служению, пусть даже скромному, высоким идеалам культуры. Мы не должны забывать, что понятие культура глубже и выше, чем те или иные социальные бури, чем те или иные временные неурядицы. Именно помня об этом, находила русская интеллигенция даже в трудные времена силы для конкретной, углубленной работы в самых разнообразных сферах своей деятельности.

На этом заканчивается очерк Леонида Капицы «Из истории одной русской семьи». Но в нем не до конца освещена многогранная деятельность этого человека. В важную заслугу мы должны поставить С. Н. Стебницкому и его работу с корякскими студентами, приезжавшими на учебу в Институт народов Севера, усилия пробудить

в них интерес к творчеству, к фольклору своего народа. Как писала впоследствии профессор ЛГПИ им. Герцена Куприянова, он (т. е. Стебницкий) неустанно внушал юношам мысль о важности и необходимости собирания и изучения, бережного отношения к фольклору. Умению Сергея Николаевича увлечь молодых авторов, помощи его энергии обязано рождение произведений корякских авторов Кецая Кеккетына, Льва Жукова, а также сборников «Сказки коряков Апуки», составленном студентом Нутэйвином и «Сказки об Эмэмкуте» Ивана Баранникова. Он стал первым их переводчиком и редактором еще во многом неумелых, но самобытных произведений.

Основные творческие вехи Кецая Кеккетына нашему читателю известны. «Эвныто-батрак» — первое его произведение было написано в стенах Института народов Севера и увидело свет в 1936 году. В основу этого рассказа была положена биография отца Кецая, прошедшего в жизни сложный путь. В этом же году были изданы на корякском языке повесть Кецая Кеккетына «Последняя битва» и повесть Льва Жукова «Нотаймэ». Все названные произведения вышли под редакцией С. Н. Стебницкого. Он же сделал подстрочный перевод рассказа «Эвныто-батрак» на русский язык и написал предисловие к этим изданиям.

Сергей Николаевич поддерживал связь не только со студентами, окончившими Институт народов Севера, но и со школьниками Корякского округа, которые присылали ему записи фольклора.

Как передового человека, С. Н. Стебницкого интересовало, что пишут о возрождающихся северных народностях за рубежом. И он не только читает эти работы, но и осуществляет их перевод на русский язык. Для научной общественности представляет несомненный интерес перевод работы немецкого автора В. Штейнца «Новые литературные языки народностей Сибири», выполненный С. Н. Стебницким.

Его многолетние исследования и изучение языка, фольклора, зарождающейся литературы завершились к началу сороковых годов рукописью «Корякский исторический фольклор и зарождающаяся корякская литература». Это первое такого рода исследование в стране, судя по разметке технического редактора на рукописи, было подготовлено к сдаче в набор. Но ни Сергею Николаевичу, ни нам не суждено было увидеть эту работу изданной.

Едва началась война, Стебницкий подает заявление отправить его на фронт. Просьба была удовлетворена. И его трудовая книжка, чудом дошедшая до нас сквозь ленинградскую блокаду, обрывается короткой записью: «1941.VII.4. Выбыл в РККА добровольно».

Многогранная деятельность этого человека заслуживает искреннего признания и памяти.

ЖИТЕЛИ ОКРУГА О С. Н. СТЕБНИЦКОМ

МИРОНОВ Г.: «В 20-х годах жил на восточном берегу Камчатки юноша-учитель Сергей Николаевич Стебницкий — будущий основатель корякско-ительменского языкознания. Его имя должна помнить нынешняя молодежь округа (поэтому я делюсь этими воспоминаниями).

Увидел я его впервые в 1931 году. Удивительно четко помню этого человека. Невысокий, плотный, с худощавым энергичным лицом. Его часто можно было видеть то в школе с молодежью, то на собрании колхозников. Хорошо он умел говорить, убедительно, с вдохновением. Время было тогда интересное, жизнь походила не ледоход в мае. И такие, как Стебницкий, нужны были людям, потому что они несли правду, веру в большое настоящее и светлое будущее.

Мы, тогда еще мальчишки, сидели между взрослых и, разинув рты, слушали его рассказ о новой жизни. К тому времени Стебницкий уже закончил Ленинградский институт народов Севера и работал у нас, как научный сотрудник этого института. Много труда, кропотливого и благородного вложил Сергей Николаевич Стебницкий в свои научные работы о языках Камчатки, о корякском национальном фольклоре. Стебницкий известен и как основатель корякско-ительменского языковедения. Им проделана большая работа по составлению первых научных грамматик корякского и ительменского языков и изучению их диалектов. Это благодаря тщательному изучению Стебницким фонетики и алфавита, язык оленных коряков-чавчувенов признан литературным. В Ленинграде Стебницкий руководил научной работой по Корякскому национальному округу.

В 1942 году Стебницкого не стало. В начале войны он добровольцем ушел на фронт, был тяжело ранен и умер в госпитале.

Сергей Николаевич Стебницкий был глубоко знающим и любящим свое дело специалистом. По его научным трудам, статьям и переводам воспитывались первые корякские писатели».

«Корякский коммунист» — 1963 — 11 дек.

ТАПАНАН И.: «Огромное внимание было уделено развитию письменности на корякском языке. В начале 1928 года в корякское селение Кичигу прибывает С. Н. Стебницкий, в будущем крупнейший специалист по корякскому языку, ученый-лингвист и этнограф, организатор первых корякских школ, автор первых книг для детей. В поселке в то время жило двое русских, а все остальное население состояло из коряков, дети говорили только на своем родном языке. С. Н. Стебницкий хорошо изучил жизнь и быт коряков, овладел их родным языком — все это помогло завоевать доверие у детей и воспитать в них новое отношение к школе.

В результате исследований С. Н. Стебницкий выделяет северную и южную группы диалектов. К северной группе относит 4 диалекта: пареньский, каменский, апукский, итканинский. К южной группе — также 4 диалекта: паланский, укинский, карагинский, олюторский. Кроме того, выделяет чавчувенский диалект. Чавчувенами называли коряков, которые вели кочевой образ жизни, вследствии чего

их диалект явился самым распространенным и был положен в основу корякского литературного языка.

В мае 1930 года постановлением Совета народных Комиссаров был принят проект единого латинизированного алфавита. Детей, владевших в начале 30-х годов только корякским языком, необходимо было обучать на этом языке. С этой целью создавались в первую очередь национальные буквари. Начальные шаги в этом направлении были нелегкими. Инициатива здесь нередко принадлежит самим учителям.

В 1932 году научно-исследовательской ассоциацией Института народов Севера был выпущен первый латинизированный букварь на корякском языке «Красная грамота», составленный С. Н. Стебницким. Алфавит был разработан на основе «Единого северного алфавита».

Позднее Стебницкий писал: «Как только в начальных и в повышенных школах и в школах грамоты для взрослых (с 1932 г.) было введено обучение грамоте на родном языке, грамотность стала распространяться буквально эпидемически — дети обучают родителей, мужья — жен».

Корякское ожерелье — М. — Палана, 1990 — с. 29—30.

КОСЫГИН В.: «Не забудут коряки Сергея Николаевича Стебницкого — пытливого исследователя, лингвиста, создателя письменности для коряков, страстного любителя художественного слова, тонко чувствовавшего своеобразие и красоту национального фольклора, одного из наставников и учителей основоположников корякской литературы — Кецая Кеккетына, Льва Жукова, Ивана Баранникова, Кечгаята Нутейвина. Сегодня, говоря о корякской литературе, мы не можем обойти стороной это имя, имя человека, подарившего нашему народу великое чудо — письменность.

В статье «Корякский исторический фольклор и зарождающаяся корякская литература», которая, к великому сожалению, осталась в рукописи, в 1940 году он пишет: «У коряков пока еще нет «Фауста», «Тиля Уленшпигеля», «Освобожденного Прометея» просто потому, что письменность на их языке существует только восемь лет (с 1932 года). Но у коряков уже есть первые образцы подлинной литературы, национальной по форме, социалистической по содержанию».

Сергей Николаевич Стебницкий был не только учителем первых корякских писателей, тогда студентов Института народов Севера, но он был их первым переводчиком на русский язык. Благодаря ему русский читатель смог ближе познакомиться с повестями Кецая Кеккетына «Эвныто-батрак», «Коялхот», «Последняя битва», книгой Льва Жукова «Нотаймэ» и сказками Ивана Баранникова и Кечгаята Нутейвина. В биографиях первых писателей, как в зеркале, отражена счастливая судьба одаренного, небольшого по численности, но богатого духовно корякского народа.

Коянто В. Северные зори: Фотоальбом — М., 1984 — с. 10—11.

ПУРГА

В этой книжке рассказывается о коряках. Коряки — маленькое племя, 7,5 тысячи чел. Они живут на севере полу острова Камчатки. Коряки-оленеводы кочуют по тундре со стадами оленей. Приморские коряки охотятся на лисицу, занимаются рыболовством и морским промыслом — охотой на тюленя и на моржа.

Эмленвиль быстро ехал на оленях по белой холмистой тундре. Объезжал заросли ползучего кедра, спускался в овраги, ехал вдоль замерзших ручьев и речек. Олени бежали крупным ровным бегом. Храпели на бегу густым храпом. Эмленвиль смотрел на оленей.

— Быстрые, сильные, обученные.

Он поднял хлыст с острой косточкой на конце. Олени повернули налево. Он слегка натянул поводья — олени потянули направо.

Эмленвиль загляделся на ветвистые рога левого оленя.

— Второй год в упряжке, а работает не хуже коренника. На обратном пути запрягу его справа. Можно уже. Лучшим оленем в нашем краю будет.

Вот санки взлетели вверх по крутому склону, Эмленвиль выехал на ровное место. Белое снеговое поле. Ни одной темной точки. Только вдали в тумане синеют острые зубцы сопок. Белая земля, белое небо. Белая метель над тундрой, — пурга метет.

Нет... Движется. Лиса?.. Эмленвиль привстал, сложил руку трубкой, приложил к правому глазу.

Вдруг что-то черное показалось далеко впереди. Кедровый куст?

— Ездок на собаках.

Едет прямо навстречу. Эмленвиль дернул за повод. Олени шарахнулись, побежали вправо. Собаки наперерез. Воют, рычат.

— Держи их! Падаль ты! — крикнул Эмленвиль. — Каэй! Гнилорукий ездок.

Эмленвиль бьет левого, правого оленя хлыстом, ручкой хлыста изо всей силы. Олени скачут. Но собаки быстрее. Наскочили. Санки на бок. Левый олень упал. Исчез в рычащем клубке мохнатых собачьих тел. Полетели клочья оленьей шерсти.

Эмленвиль выхватил нож. Отрезал потяг левого оленя, ударил хлыстом правого. Уцепившись за санки, перетащился через мертвого оленя, через собак. Отъехал в сторону. Оглянулся.

Собаки мохнатым пестрым комком перекатывались через олений труп. Теперь уже клочья собачьей шерсти летели во все стороны. За собаками туда и сюда на боку металась пустая нарта.

Эмленвиль остановил оленя, подбежал к собакам. Костяной ручкой хлыста стал бить собак куда попало.

Собаки кинулись врассыпную. Постромки не пускали, душили их. Две передние подрались. Пестрая всеми четырьмя лапами запуталась в упряжи и волочилась на спине с громким воем. Черная попала лапой за ошейник серой, она рвалась и рыча трепала загривок серой. Серая выла.

Хак-хак! Хак-хак!

Собаки кинулись вперед. Потяг натянулся.

— Кхх!

Собаки стали. Стояли дрожа, прижав уши. Эмленвиль распутал упряжь, еще по разу ударил каждую собаку изо всей силы. Собаки скулили, ползли на брюхе.

— Чэх-чэх! Чэх-чэх!

Вся упряжка потянула направо. Собаки увидели второго оленя, подняли хвосты, навострили уши.

— Кхх, — уши прижались, хвосты опустились. Собаки пошли шагом. Подошли вплотную к санкам Эмленвиля. Эмленвиль привязал своего оленя к собачьей нарте, встал на полоз, оттолкнул ногой.

— Хак-хак-хак!

Собаки разом послушно взяли с места, побежали ровной рысью. Привязанный олень побежал сзади.

— Яккай-кон. Безногие работники безголового хозяина. Чья нарта?

Эмленвиль наклонился, заглянул под сиденье нарты. Правый полоз сломан и заклепан тоненькой дощечкой. Левый передний стояк треснул, — вот-вот сломается. Эмленвиль взялся рукой за дугу. Передняя дуга тоже треснула в трех местах и вся перевита ремнем. Нет, не ремнем, — русской волосяной перетяжкой[1]. Русский он, что ли? Да нет, — не станет русский держать такую нарту. Самый никчемный человек это. Узнаю, кто — побью, искалечу. Гнилая язва, — ездового моего сгубил, самого лучшего.

Вдруг собаки круто свернули влево. Голубые следы на снегу извилистой змейкой уходили в обе стороны.

— Кхх!

Собаки стали.

— Лисий след. За лисой гнались. Ездока сбросили. У, гнилорукий! Куда сам-то делся?

— Хак-хак-хак!

Эмленвиль пустил собак по следу. Сбился. Остановил собак. Стал осматриваться. Вот кривая сопка. Под сопкой — стойбище Лехли. С той стороны бежали собаки. Наверное оттуда ехал ротозей. Туда же и вернулся, упустив собак.

— Хак-хак-хак!

Эмленвиль поехал к кривой сопке на стойбище Лехли.

На стойбище Лехли тихо. Глубоко в снегу стоит яранга. Входные шкуры заткнуты, придавлены камнями. От пурги прячутся хозяева. Возле яранги и грузовых саней, сложенных в кучу, пурга намела высокие сугробы. Все следы замела — оленьи, человечьи. Будто с самого начала зимы никто не выходил из шатров. Будто вымерло стойбище, разбрелось стадо.

Эмленвиль отвязал своего оленя, отогнал на тундру. Собак распрягать не стал. Просунул голову под входную шкуру.

— Кто там? — сквозь дым спросил хозяин.

— Это я, сосед, — сказал Эмленвиль.

Эмленвиль щурился от дыма, споткнулся о боковую подпорку, остановился, оглядел ярангу.

— Кайэ! Ты приехал. Входи.

---

[1] Веревкой.

— А где гость ваш?

— Какой гость?

Лехли тоже поглядел по сторонам.

— Пусть выйдет. Надо мне поговорить с ним, — сказал Эмленвиль.

— Кто выйдет? Никого нет у нас. Только свои. — Лехли обернулся к заднему пологу. — Идите все сюда!

Шкура полога откинулась, выползли Теннои-великан и Имлыт-косой — сыновья Лехли, стали по обеим сторонам отца.

Эмленвиль сказал тонким голосом:

— Я думал, ты мне друг, Лехли-сосед. Зачем хочешь ссориться? Наши семьи всегда жили дружно.

— Яккай-кон! Кто порчу послал на тебя? — с досадой сказал Лехли.

Эмленвиль ничего не ответил, стоял нахмурившись.

— Лучшего оленя моего погубил. Не прощу... — проговорил он наконец.

— Кто? — в один голос спросили Лехли и оба сына.

Эмленвиль посмотрел на них исподлобья, сказал:

— Этот, который у вас спрятался.

— Кто? — еще громче спросили они.

— Я не знаю кто... — сказал Эмленвиль.

— Кайэ...

Ымлота, жена Лехли, потянула мужа за край кухлянки[1], сказала шопотом:

— Разве не видишь — нинвиты захватили его на тундре, Больной он.

— Постой ты, — он взял Эмленвиля за плечи. — Ты про кого говоришь?

— Разве он не у вас? — Эмленвиль растерянно оглянулся, махнул рукой. — Вон нарта его тут стоит, — сказал он, садясь.

— Поглядите, — кивнул Лехли сыновьям.

Имлыт-косой стремглав нырнул под входную шкуру. Ветер и снег ворвались в ярангу. Пламя костра заполыхало, кинулось вправо, влево. Входная шкура щелкала, распластавшись по ветру.

— Пурга. Праздник нинвитов, — шептала Ымлота. Она покосилась на Эмленвиля. Эмленвиль сидел неподвижно.

Имлыт, запыхавшись, вбежал в ярангу, поймал шкуру, опустил, придавил камнем.

— Незнакомая нарта. Восемь собак... Собаки тоже незнакомые, сказал он, отрясая с себя снег.

Все посмотрели на Эмленвиля. Эмленвиль сидел, нахмурив брови. Молчал. Ни на кого не смотрел.

Старая Ымлота отложила в сторону нож и точильный камень. Приложив руки к щекам, затянула:

— Кайэ-э. Может быть на тундре ходит, как будет?

Лехли молчал, нахмурившись. Потом сказал сердито:

— Теннои, Имлыт, собирайтесь. Теннои — на Песчаный мыс, в жилье приморских людей; ты Имлыт, — к Тальпывалю соседу.

Имлыт и Теннои вышли. Поймали ездовых оленей. Не жалея

---

[1] Кухлянка — рубаха из оленьих шкур.

[2] Нинвиты — злые духи.

Камчатская областная библиотека
ИНВ. №1131968

хлыста, погнали их, один — на Песчаный мыс, другой — на стойбище Тальпываля. Ни на Песчаном мысу, ни у старого Тальпываля не видали ездока. На ночевку не останавливался, даже чай пить не заезжал.

Семь нарт выехало из жилья на Песчаном мысу. Черными пятнами замелькали по тундре в тумане пурги.

— Хак-хак-хак! Хак-хак-хак!

Гнали во-всю. Собаки выли, рвались из постромков. Теннои на собаках Пойтыля-горбатого перегнал всех. Он встал левой ногой на правый полоз, махал над головой остолом[1], пел:

«Быстрые собаки. Легкая нарта.

Теннои-великан — лучший ездок».

Коренастый Якаяк хотел во что бы то ни стало перегнать его.

— Хак-хак-хак! Гнилая кость! Сухомозглые! кричал он на собак.

Старик Эвъяли едва поспевал за всеми.

— Хак-хак, кудлатые! Хак-хак-хак, — погонял он своих тощих собак. — Поработайте, человека от худой смерти спасаем. Ккук, ккук, заяц!

Якаяк поровнялся с Теннои.

— Тенно, — чьи собаки быстрее?

Якаяк привстал на полоз, стукнул остолом по дуге нарты.

— Идет...

Собаки рычали, выли, словно взбесились.

— Хак-хак-хак! Чэх-чэх-чэх! Кох.кох! кричали ездоки.

У заячьего оврага разъехались в разные стороны — искать потерявшегося человека в метельной тундре.

Старый Тальпываль сам приехал к соседу Лехли. Эвъяли тоже приехал. Его слабые собаки не могли осилить пургу, они останавливались, ложились. Выбившись из сил, старик Эвъяли повернул собак в подветренную сторону и поехал к Лехли сказать, что в жилье на Песчаном мысу не видали неизвестного ездока.

Три старика сидели в спальном пологе, возле коптящего жирника. Тюлений жир капал из плоской лампы на мягкие шкуры. Моховой фитиль трещал. Старики молча смотрели на желтый мигающий огонек. Скраю сидел Эмленвиль. Тальпываль поднял голову, посмотрел на дымовую дыру. Кружок серого неба над шатром посинел.

— Если до темноты не найдут — замерзнет, — сказал Тальпываль.

— Ветер не слабеет, — сказал Лехли.

— Снег густой, все следы занесет, — сказал Эвъяли.

Эмленвиль вскочил, быстро прошел через весь шатер, сел на другом конце полога.

— Так и надо. Пусть пропадет без следа, — пробормотал он.

Старики обернулись к нему. С минуту смотрели молча.

— Кайэ! Что делаешь? На человека в неудаче еще пущую беду накликаешь... — сурово сказал Лехли.

Тальпываль схватил Эмленвиля за руку.

— Не бери на себя вину в смерти. Не вызывай пинвитов...

Старик боязливо оглянулся по сторонам, зашептал:

[1]Остол — толстая палка с железным наконечником, которой тормозят нарту.

— Я отрезал левую половину собаки. Я собрал в ладонь собачью кровь. Сплю в этой крови. Кто увидит, где я сплю?

Эвъяли покачал головой, сказал тихо:

— Как можешь говорить так, Эмленвиль? Может быть, его жизнь целой упряжки оленей стоит...

Эмленвиль сорвался с места.

— Гнилье!

Он два раза с силой ударил по ручке ножа на поясе, рывком схватил шапку, рукавицы. Надел, вышел из шатра.

Старики покачали головами.

— Пропал Эмленвиль.

Пинками и криками Эмленвиль поднял свернувшихся под снегом собак.

Яхо! Тощие. Токая-ток! — выломал наружную подпорку у входа в шатер, взял ее вместо остола.

— Хак-хак-хак!

Собаки не понимали спросонья. Ветер валил их с ног, снег залеплял глаза.

Раз, два — Эмленвиль чуть не сломал палку о спины задней пары. Собаки рванулись, взвыли. Зажмурившись, они карабкались на сугробы, тонули в снегу, спотыкались о кочки, о верхушки кустарника.

— Яккай, рыбья падаль!

— Хак-хак! -Чэх-чэх! Ках-ках'ках! — злобно кричал Эмленвиль. Он ложился на нарту, вскакивал, держась за дугу, смотрел вперед, налево, направо, опять ложился, искал на снегу свой утренний след. Так добрался он до того места, где собаки разорвали оленя. Задранная оленья нога торчала над сугробом, окровавленная морда с выеденным языком оскалилась снизу.

— Убью, зарежу... — процедил сквозь зубы Эмленвиль. Он сжал кулаки, отвернулся. Схватил палку.

— Чэх-чэх-чэх!

Собаки рванулись, все разом кинулись вправо. Эмленвиль изо всей силы ухватился за дугу нарты. Дуга сломалась. Эмленвиль упал. Едва-едва успел схватить нарту за задний стояк. Лег поперек нарты, пустил собак шагом. Он почти прикасался лицом к земле.

Разгребал снег руками. Старался найти утренний след.

Нашел.

— Хак-хак-хак!

Собаки пустились рысью. Эмленвиль, не отрывая глаз от дороги, сел на нарте. Руки отморозил. Он захватил целую пригоршню снега, принялся тереть руки. Отошли. Эмленвиль надел рукавицы, взял остол.

— Хак-хак!

След потерял...

— Кхх!

Собаки стали.

Эмленвиль соскочил с нарты, бросился в сторону. Стал на четвереньки, смотрел на землю. Пурга метет. Как будто шевелится земля.

Убегут! Он кинулся назад к нарте, схватился за дугу.

— Чэх-чэх-чэх! Назад!

Собаки повернули. Теперь ветер дует прямо в лицо. Собаки

невольно сворачивают то вправо, то влево. Эмленвиль кричит, бьет собак. Не найти своего следа, только что проложенного.

Вот след! Дальше ехать — куда?

Эмленвиль сел на нарту, положил возле себя остол, засунул руки под кухлянку, нащупал на груди кожаный мешочек на ремешке. В кожу зашит камешек-охранитель, помощник в беде — иткан-кон. Эмленвиль сжал иткан кон в руке, закричал:

— Я кричу прямо против ветра: старуха, очисти небо своим маленьким железным ножом для мяса. Хук-хук! У тебя широкая грудь. Я три раза ударяю руками. — Эмленвиль поспешно высунул руки из рукавов, ударил три раза в ладоши. — Падаю назад. — Он лег на нарте. — Я надеваю левую рукавицу на правую руку... Хук-хук! — прокричал он еще раз, приложив правую руку ко рту. Потом так и остался сидеть на нарте, стал ждать.

Стихает... Нет, не стихает.

Эмленвиль пошевелился. Собаки пошли. Вот они идут быстрее. Бегут, воют, навострили уши, подняли хвосты.

Вдруг они сбились в кучу. Нарта наскочила на задних собак. Эмленвиль вскочил, подбежал. Сугроб. Что-то торчит из-под сугроба.

Человечья голова торчит. Мертвец под снегом. Лицо закрыто нагрудником кухлянки. Эмленвиль наклонился, осторожно приподнял нагрудник: «Живой. Чуть-чуть дышит». Передовая собака протянула морду, лизнула спящего в лицо.

Это он!

Эмленвиль отскочил, схватился за ручку ножа.

«Ва-хо! Будешь пастухом моего быстроногого».

Он выхватил нож, упал на колени, отбросил в сторону рукавицы, левой рукой стал шарить по груди спящего, искал сердце, в правой наготове держал нож.

Что-то зашуршало под рукой сквозь шкуру кухлянки, белый уголок конверта высунулся из-под широкого ворота.

«Бумага!».

Эмленвиль наклонился ниже. Бросил нож. Потянул за угол конверта, вытащил толстый твердый пакет. Посредине большая сургучная печать. Под печатью белое перо куропатки.

Эмленвиль вертел пакет в руках, рассматривал печать, щупал пальцем непонятные синие значки на другой стороне.

«Спешная весть. Посланный».

«Посланный от начальников. Кто такой?» — он посмотрел на спящего. — «Молодой. Незнакомый. Спит. Нет, говорит что-то». Эмленвиль наклонился к его лицу.

— ...Один жир... ешь скорей... заждалась дочка... изголодалась, — шептал спящий.

Вдруг он дернул рукой, хотел повернуться и не мог.

— Кайэ! Совсем замерз, товарищ, — прошептал Эмленвиль, быстро встал на ноги, оглянулся: где собаки?

Собаки, сбившись в кучу, свернулись на снегу у ног хозяина. Эмленвиль подхватил его, стал поднять.

— «Кайэ! Как упал — ноги по колено ушли в снег, хотел ползти наверно и не мог. Расшибся. Совсем дикие собаки у него, — взбесились, почуяв лисицу. Эмленвиль положил спящего на нарту, подтолкнул нарту остолом.

Он пристально смотрел вперед, в стороны. Ничего не видно.

Пурга неслась серая. Вот уже совсем черная.

В раранге Лехли полно народу, но тихо. Все сидят в спальном пологе. Полог спущен. Душно. Мигая, коптит желтый огонек жирника. Мужчины — молодые и старые — сидят полуголые, в одних штанах.

«Кайэ! Стемнело... Доберусь ли?..

Старики — Лехли, Эвъяли, Тальпываль — на почетных местах, возле самого жирника.

— Пропал ездок, — сказал Тальпываль.

Лехли кивнул головой:

— Если уж Теннои ни с чем вернулся, значит пропал...

Широкоплечий Якаяк заговорил быстро:

— Всю Тарбаганью тундру я изъездил. В Куропаточьей низине с Теннои съехался. Кричали. Дальше поехал — понесли собаки, — почуяли думал — нашел. На кедровый куст налетели. Заяц спал там, едва удрал.

— Что же зайца-то упустил? — усмехнулся кто-то из молодых.

Якаяк махнул рукой:

— Куда там. Наверное совсем загнал собак.

Старик Лехли обвел всех глазами:

— Собак на ветру не оставили? Покормили? Крепчает мороз к ночи.

— Ана-авун[1]...

— Собакам что сделается под снегом? Ни ветер, ни мороз не достанут, — отвечали гости.

Старый Эвъяли задумчиво выщипывал редкие волоски из морщинистого подбородка. Он сказал тихо:

— Как собака, под снегом лежит ездок... Человека смерть и под снегом найдет.

Якаяк дернулся всем телом, проговорил скороговоркой:

— Может быть не раз мимо проезжали, может быть над ним проезжали...

— Почему не расспросил Эмленвиля, отец, где напали собаки? — сказал Теннои.

— Как спросишь, когда при каждом слове нинвит тянет к ножу его руку. Разве сам не видал?

Лехли принялся поправлять моховой фитиль по краям плоской сковороды с жиром. Огонь вспыхивал, трещал, угасал.

— Я отрезал левую половину собаки. Я собрал в ладонь собачью кровь... — бормотал Тальпываль.

— Кайэ! Что будет? — вздохнул кто-то в темном углу полога.

— Пропадет Эмленвиль... Уже пропал. Завтра тебе, Лехли, к его жене ехать со скверной вестью, — сказал Эвъяли.

Лехли ничего не сказал. Все молчали.

— Вауу, — донесся снаружи не то собачий вой, но то вой ветра. Что-то раз-другой треснуло в наружном шатре. Поднялась в самой середине передняя шкура полога. Огонь в жирнике заметался. Из-под шкуры просунулась голова в шапке, похожая на глыбу снега. Человек весь в снегу пролез в полог. Стоя на коленях, выпрямился посредине перед самым жирником.

— Эмленвиль!

---

[1] Конечно.

Эмленвиль бросил перед собой рукавицы, полез правой рукой за широкий ворот кухлянки, бросил поверх рукавиц белый пакет. Все смотрели в испуге.

— Где взял? — спросил Эвъяли.

— У того...

— Ты убил его? — спросил Тальпываль. Губы у него задрожали, лицо побледнело.

Эвъяли сердито посмотрел на Тальпываля, осторожно взял пакет, повертел в руках.

— Как прочтем?.. Он посмотрел на Эмленвиля. Эмленвиль опустил глаза, кивнул головой назад...

Может быть тот...

Имлыт, Теннои, Якаяк вскочили, как были, в одних штанах вынырнули из полога, выбежали наружу.

— Несут. Живой! — закричали женщины в наружной раранге.

Кто натягивал на себя кухлянку, кто обувался, кто бежал наружу с деревянной миской в руках, кто возвращался с миской, полной снега.

Эмленвиль один сидел в опустевшем пологе, не спеша раздевался.

В шатре развели огонь. Раздели незнакомца донага. Уложили на шкуры. Терли снегом, терли руками — грудь, спину, бока, нос, щеки, ноги, — всем хватило работы. Потом внесли в полог.

Старик Эвъяли, запыхавшись, приложил ухо к сердцу замерзшего.

— Стучит... Хорошо стучит... Накройте тепло... Спустите полог...

Все снова засуетились.

— Кайэ! Левая рука пропадет. — сказал Якаяк, укутывая шкурами плечи спящего.

Все расселись вокруг, не спуская глаз с незнакомца. Сидели, ждали, изредка перекидывались словами.

— Молодой парень...

— Незнакомый...

— Видел его где-то.. не помню...

— Из Большого жилья, наверное...

— Пурга сильнее...

— Морской ветер — пурга долгая.

— Дня три будет.

— Стихнет, лисицы вылезут, забегают голодные, бить начнем...

— Нынешний год лисиц мало.

Вдруг спящий застонал.

— Оой, — открыл глаза, хотел привстать. Имлыт и Якаяк приподняли его за плечи. Он огляделся вокруг мутным взглядом. Все склонились над ним.

— Кто ты? — спросил Эвъяли.

— Я — Кайгарат...

— Откуда?

— Из Большого жилья.

— Куда ехал?

— Со спешной вестью в жилье на Песчаном мысу.

Кайгарат беспокойно забегал глазами, стал оглядываться.

— Здесь, здесь твоя спешная весть, — успокоил его Эвъяли. Он протянул руку назад. Ему подали пакет.

— Вот она. Завез только ты ее совсем в другую сторону. Какая весть?

Кайгарат глубоко вздохнул. Ему поднесли чашку горячего, густо заваренного чаю. Он жадно отпил несколько глотков, потом сказал:

— Первая весть... Лисьему промыслу срок... Лисиц нельзя больше бить.

Все опустили глаза.

— Кайэ! Из-за такой вести чуть не пропал, — усмехнулся Якаяк.

Эвъяли отвернулся, бросил пакет Кайгарату.

— Дурак ты... Никчемная весть, — сказал он.

Все заговорили.

— Дрянная весть. Выдумки гнилой головы. Плюем мы на этот срок. Глупый приказ.

— Не послушаем.

Звонкий голос Теннои покрыл всех:

— Яккай! Лучше бы ты замерз на тундре со своей вестью. И твои гнилоголовые начальники вместе с тобой. Воронья падаль! Старых прогнали — новые явились, такая же дрянь. Лишай неизлечимый, не люди.

Имлыт поддержал брата.

— Вчера за кривым холмом лисицу приметил. Выслежу. Убью. Нет мне начальников!

— Будем бить лисиц.

— Нет у нас начальников, — кричали все.

Кайгарат боязливо оглядывался. Все кричали зараз, махали на него руками.

— Ток ынпыклавуль...[1] — Кайгарат потянул за рукав нахмурившегося Эвъяли.

Эвъяли нехотя посмотрел на него. Кайгарат кивнул на пакет, валявшийся в ногах.

— Зачем бросил?.. Там другие вести... Хорошие...

Все стихли. Эвъяли потянулся за пакетом.

— Ана-кыхы! Чего же не сказал! Читай.

Он протянул пакет Кайгарату. Кайгарат усмехнулся, покачал головой.

— Не буду читать...

— Как не будешь?

— На большом собрании всех оленных людей и морских охотников велели начальники прочесть эту весть.

— Кайэ! — Эвъяли махнул рукой. Потом поднял голову, оглянулся, обвел рукой всех сидящих, сказал: — Вот собрание. Вот мы — морские охотники из жилья на Песчаном мысу. Вот — оленные.

— Собрание! Собрание!

— Все здесь!

— Читай, — опять все сразу заговорили оленные и охотничьи люди.

Кайгарата посадили, засунули ему под спину шкуры, придвинули ящик с жирником. Кайгарат взял пакет, сломал печать, вынул

---

[1] Эй, старик.
Эк, ты.

много бумаг, разрисованных непонятными синими знаками. Все внимательно следили за ним.

Эвъяли и Лехли сели по бокам, осторожно развернули самую большую бумагу, поднесли ее к носу Кайгарата.

— Ну, говори.

Кайгарат слегка отстранил бумагу.

— Кваломлатык[1], — приказал Лехли.

У всех и без того раскрыты рты от нетерпеливого ожидания. Среди ненарушимой тишины Кайгарат начал говорить ровным голосом:

— Начальники пишут про новое устройство... Первое — ко-пе-ра-тив...

Кайгарат остановился и посмотрел на всех.

— Какой коратыв?

— Что такое катарыв?

— Как начальник говорить — непонятно.

— Понятно говори.

— Кооператив — это торговая юрта. Новая торговая юрта, — сказал Кайгарат.

— Тумгыт, — вскочил Теннои. — Он на тундре ум потерял. К чему слушаем? Спи лучше, порченый.

Все захохотали.

— Торговая юрта — новое устройство.

— И так две есть, обе никчемные.

— На Песчаном мысу Краснорожий купец — обманщик.

— В большом жилье у Лысого-беззубки товару никакого нет.

Кайгарат поднял в руке бумагу, махал бумагой.

— Новая торговая юрта. Совсем другая.

Но его не слушали.

— Три дня тому назад к Краснорожему купцу прихожу, говорю: «Дай два кирпича чаю, завтра шкурки привезу, — дома две лисицы есть». — «Привезешь шкурки — дам чай», — говорит. Так и не дал. Вчера шкурки ему привез, — чай кончился. Кичигаятубольшетабунному два тюка отдал, Краснорожий. Я без чаю остался. Теперь лисицу гонять не могу. Знаешь ведь, чаю не попьешь — лису не загонишь, — рассказывал Имлыт своему соседу, а сзади кто-то кричал:

— В конце гусиного месяца тюленью шкуру я Лысому-беззубке привез. «Не беру, — говорит, — мне самому с Чукотского носа прислали тюленьи шкуры вам продавать». — Да что, ты не знаешь, что мы тюленя промышляем, — я говорю, а он: «Откуда знать мне? Я первый год здесь и последний, больше не буду». Так и уехал я без товару: теперь голодаем.

— На будущий год опять такой же приедет непонимающий.

— Все они такие оттого, что один хлеб едят.

— Краснорожий мне за самую лучшую лисицу пятнадцать кирпичей чаю дал, больше ничего.

— В прошлом году патронов не было — ружья были, а в этом году патроны есть — ружей нет.

— Лисьих капканов второй год нет, только горностаевые.

Эвъяли говорил Тальпывалю:

---

[1] Слушайте.

— На одной юколе сидим и той нехватает. Собак совсем не кормлю, иссохли, едва тянут. Круп, чаю, табаку взять не могу. Безружейный я. Чем лису бить? Осенью хотел ружье взять — уже не было.

— Не просил нынче ружей Краснорожий у торговых начальников. Говорит: в прошлом году не брал никто.

— Конечно не брали, когда патронов не было.

— Старые купцы лучше были, — спирт возили, товару всегда вдоволь было, — крикнул Теннои.

— Спирт худо, — сказал Эвъяли.

— А вы знаете, как у меня половина стада погибла? — глядя на всех, спросил Тальпываль.

Все замолчали.

— Прошлой весной это было. Во время весенней кочевки подогнал я свое стадо к Большому жилью. Думаю: у Лысого-беззубки чаю возьму, дальше покочую. Лысый-беззубка говорит: «Сейчас чаю нет, в соседнюю торговую юрту ездоков послал, через три дня привезут, жди». Я пять дней ждал, — не приезжают посланные. Уже таять начало сильно. На шестой день приезжают двое на пустых нартах, говорят: «Через Лебяжье озерко переезжали мы, лед сломался; чай затонул неглубоко; товарищей оставили затонувшую кладь доставать, сами сюда — как быть, дальше дороги на нартах нет, все стаяло». Лысый-беззубка жителей собрал, отправились все чай на себе нести. Пока ходили, пока Лысый тюки разворачивал, чай раздавал, — много дней прошло, снег совсем стаял, тундра стала бесснежная, мокрая. Тундра близ Большого жилья — вредная. Нельзя на ней весной с оленями быть. Копытная болезнь началась после в моем стаде. Больше половины оленей вымерло. Сами знаете, от копытной болезни чем спасешь?

— Не страшна теперь копытная. Олений лекарь приедет, — крикнул Кайгарат.

Все повернулись к нему.

— Кайэ, что сказал?

— Откуда знаешь?

— Ва-хо? Так ли?

Кайгарат протянул вперед бумагу и, потряхивая ею, заговорил быстро:

— Вот здесь написано. Это второе дело. Вы мне говорить не даете.

Старик Лехли выпрямился, нахмурил брови.

— Ток! Слушайте все. Говори, — приказал он.

Кайгарат наклонился над бумагой, заговорил медленно:

— С первым пароходом приедет в Большое жилье Василий Воронов, ветеринар — это олений лекарь по русски, — пояснил Кайгарат. — Надо решить, где ему жить, в Большом жилье или на стойбище. Если на стойбище, то у кого?

Старый Тальпываль потянулся со своего места к Кайгарату.

Чуть не опрокинул жирник.

— Кайго, пусть у меня на стойбище живет олений лекарь. Самых лучших оленей буду убивать ему на мясо.

Все закричали:

— Яккай-кон! Правда, приедет?

— Олений лекарь будет.

— Я-хо! Хорошая весть.

Имлыт схватил за руку Эмленвиля, наклонился к нему, рассказывал:

— Прошлым летом на пароходе я был. Анадырский чукча говорил мне — у его отца в стаде копытная началась, два оленя заболели. Оленьего лекаря быстро привезли. Он всех оленей в бок колол длинной иголкой. Отогнал копытную, и оба больные оленя выздоровели.

— Правда же так, я тоже слышал, — сказал Эмленвиль.

Тальпываль оттащил Имлыта и зашептал ему на ухо:

— Не иголка, шаманское копьецо это. Оленей, уколотых заклятым острием, не берет болезнь.

Оленные люди говорили:

— У Лехли на стойбище пусть живет олений лекарь.

— Лехли — старший из оленных людей.

— У Лехли.

Лехли поднял руку.

— Стихните, — он повернулся к Кайгарату. — Помни, у меня на стойбище будет жить олений лекарь. Теперь говори, какие еще вести?

— Про кооператив скажу. Кооператив — это торговая юрта без торгового человека.

— Кайэ!

— Да, наша. Мы сами будем торговцами. Выберем наших людей. Они шкурки собирать будут. Созовем общий совет, решим, какого товара нам надо, — кому сколько запишем, кто сколько шкурок дал и кому чего надо. Пошлем бумагу в Большое жилье. Бумагу отошлем торговым начальникам. Летом на пароходе они приклют нам товар. Мы сами будем принимать товар и делить междусобой.

— Го!

— Амалко!

— Инма-ак[1], — поддакивало собрание.

Якаяк-силач потирал себя по голым плечам и раскачивался от удовольствия.

— В нашем селении такую торговую юрту сделать надо, на Песчаном мысу.

— Надо, надо! — кричали все.

Старик Эвъяли положил руку на колено Кайгарата.

— Слушай... Счетчика надо. Умеющего писать надо. Нету у нас таких. Русские хитры, обманут. Кто считать, писать будет?..

Кайгарат усмехнулся уголком рта, сказал:

— Я буду считать.

— Разве умеешь? — недоверчиво спросил Эвъяли.

— И считать и писать умею. Счетчиком в нашей торговой юрте был эту зиму...

— Кайэ!

— Так это ты?

— Тумгыт[1], это сам счетчик из Большого жилья.

— Кайэ! Ловкач!

[1] Да. Хорошо. Правильно.

[1] Тумгыт — товарищи.

Кайгарат продолжал говорить, уже не глядя на бумагу.

— Кооператив сделаем. Олений лекарь будет. С будущей осени в учебных юртах наших детей будут учить новые учителя на нашем языке — писать, читать и считать. Мы сами из своих людей будем выбирать себе начальников, дающих приказания и пишущих[2]. На больших собраниях общим советом будем по-своему устраивать свою жизнь. Вот... Я все сказал. Так пишут новые начальники. Они велели обсудить, правильно все это или нет.

— Правильно-о, хорошо-о! — загалдело собрание.

Кайгарат поднял голову, приготовился говорить. Все стихли.

— Вы обсуждайте... Я лягу, — сказал Кайгарат.

— Ток[3], — старый Лехли выпрямился, сверкнул глазами.

Старик Эвъяли заботливо накрыл Кайгарата шкурами, повернулся и сказал:

— Я хочу говорить, Лехли.

— Ток, кваломлатык[1]. — Лехли потер руками колени, торчащие в стороны.

Эвъяли заговорил.

— Когда я был молодой, в нашем краю жил арым Ругатель. Он ездил на двойной упряжке собак. Однажды он приехал на Каменный мыс и велел проломить стену землянки Катхыма, потому что не хотел лезть через верхний вход. У кого видел соболя — брал соболя, видел чернобурку — брал чернобурку. Все лучшие шкурки отбирал для тыркарыма[4]. Сует шкурку в свой мешок, а сам орет, руками машет, ногами топчет. Если скажешь ему что-нибудь, — лезет драться. Мы отдавали ему много шкурок.

— За ним ездил поп, устраивал свое шаманство и тоже брал шкурки. Алексей-носатый, Саська-суслик и Бородач возили спирт. Оленные и охотничьи люди, падкие на спирт, отдавали им все шкурки за спирт, а товаров не брали. Много было таких. Они постоянно голодали с женами и детьми. Так жили.

— Нас было семеро: я, Тнакуи-ловкий; Катыхым, отец Якаяка, Имлыт-одноглазый и еще трое, уже умершие. Мы решили уйти с Песчаного мыса далеко на тундру. Мы говорили нашим: «Уходите на верховья рек... Если там найдут Ругатель и поп — уходите дальше, в хребты, на мелкие речки».

— Клавуль-оленевод, женатый на моей старшей сестре Ычванаут, дал мне две двадцатки оленей. Я стал кочевником. Укочевал в дальние хребты. На следующий год пришла зима большого оленьего падежа. Я потерял оленей. Вернулся на Песчаный мыс. Стал вот теперь вы слышали, кажется, пришло лучшее. Тумгыт[1], давайте жить. Думал: пускай. Все равно не будет хорошей жизни. Тумгыт, обдумаем и обсудим наше новое устройство, чтобы нам не сплошать...

— Уче-оный...

Все разглядывали Кайгарата, как будто только что увидали.

— Тебя, Эвъяли, на нашей реке начальником выберем, — крикнул торопливый Якаяк.

[3] Ну.

[2] Председателей и секретарей туземных советов.

[1] Ну, слушайте.

[4] Тыткарым — солнечный начальник, так коряки называли царя.

[1] Товарищи.

— Умеющего писать надо в начальники, — сказал Эвъяли.

— Учебную юрту, в которой по-новому учат, пускай поскорее поставят, — я буду учиться писать, — сказал Лехли.

Все заговорили:

— Го. Скорее!

— Всех ребят отдадим учиться по-нашему.

— И вы, оленные, отдавайте.

— Кого же теперь выберем? Нет ни одного умеющего писать.

— Кайгарата выберем.

— Кайгарат умеет.

— Кайгарата.

— Кайгарат! Кайгарат!

Эвъяли наклонился к Эмленвилю, шепнул ему:

— Такого нужного человека убить хотел.

Эмленвиль побледнел, схватил старика за руку.

— Молчи... второго из упряжки, оставшегося оленя отдам ему... Итканкон-камень помог мне. Спас.

Эмленвиль схватил левой рукой висевший у него на голой груди кожаный мешочек с камнем-охранителем, распутал стягивающий его ремешок. Серый кончик камня показался из отверстия. Эмленвиль обмакнул в жирник средний палец правой руки, стал мазать жиром итканкон.

— Ты такой большой, сильный, — шептал он охранителю. — При твоей помощи ничего худого не случится со мной... Лучший друг ты. Войди. Поедем домой. Самую лучшую еду поедим. Ты же жену возьми. Мой зять ты... Помоги мне, — ты, посмотри на меня.

В это время спавший Кайгарат зашевелился, приоткрыл глаза. Эмленвиль бросил итканкон, наклонился к Кайгарату, зашептал:

— Твои собаки разодрали моего лучшего из упряжки оленя. Другого, ему под нарту — тебе отдаю. Дочке твоей отдаю...

— Го... дочка моя... Иэльхын маленькая, — Кайгарат улыбнулся спросонья, закрыл глаза, повернулся на другой бок и снова заснул.

Эмленвиль дернул Эвъяли за руку.

— Дочка у него, Иэльхын. Второго оленя из моей лучшей пары ему отдал — ученому счетчику.

Старик Эвъяли кивнул головой.

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ С. Н. СТЕБНИЦКОГО

Научные труды, статьи, учебники для северных народностей

1. Алюторский диалект нымыланского (коряк.) языка //Сов. Север — 1938 — № 1.

2. Апукинский диалект корякского языка //Архив Ин-та этнографии. — п. — 12, оп. 1, № 142.

3. Букварь /Пер. с нымыланского (коряк) языка — Л., 1938.

4. Букварь для корякских школ взрослых — Л., 1940 — 138 с.

5. Букварь для северных народностей /Сост. проф. В. Г. Тан-Богораз и С. Н. Стебницкий — М., 1927.

6. (новая книжка) Букварь на нымыланском (коряк.) языке — М. — Л., 1935 — 76 с.

7. Из истории падежных суффиксов в корякском и чукотском языках — Л., 1941.

8. Ительменский язык //Языки и письменность народов Севера. ч. 3 — М.—Л., 1934 — с. 85—105.

9. Классификация коряков: Рукопись //Архив ЛО ИЯ АН СССР, инв. № 13.

10. Книга для чтения ч. 2 — Л., 1938.

11. Книга для чтения ч. I для 1 класса нымыланской (коряк.) нач. школы — Л., 1940.

12. Книга для чтения ч. 2 для 2-го класса коряк. нач. школы — Л., 1940 — 208 с.

13. Материалы по ительменскому языку: Рукопись — ЛИФЛИ, ЛИНГФАК, 1936.

14. Наша книга. Учебник для 2-го класса нач. школы /Пер. на нымыланский язык. Сост. на основе стаб. учебника Е. Я. Фортунатовой — М.—Л.; 1935 — 96 с.

15. Нымыланский (коряк.) язык //Языки и письменность народов Севера. ч. 3 — М.—Л., 1934.

16. Нымыланы-алюторцы /к вопросу о происхождении оленеводства у южных коряк/ //Сов. этнография — 1938 — № 1.

17. Нымыланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова /к вопросу о происхождении карагинского диалекта нымыланского (коряк.) языка в свете лингвистических материалов С. П. Крашенинникова //Сов. Север — 1939 — № 2 — с. 129—170.

18. Объяснительная записка и перевод к учебнику арифметики на нымыланский язык. ч. 2 — М.—Л., 1935.

19. Объяснительная записка и перевод к учебнику нымыланского (коряк.) языка. ч. 1. Для 1-го и 2-го кл. нач. школы — М.—Л., 1935 — 128 с.

20. Основные фонетические различия диалектов нымыланского (коряк.) языка. //Памяти В. Г. Богораза-Тана — М.—Л., 1937 — с. 286.

21. Очерк этнографии коряков //Архив ЛО ИЭ, к—1, оп. 1, № 50, № 26.

22. Паланский диалект: Рукопись.

23. Перевод на русский язык нымыланской (коряк.) книги для чтения « »составленной К. Кеккетыным — М—Л., 1936.

24. Перевод корякского букваря для школ взрослых — Л., 1940.

25. Русско-нымыланский словарь к учебнику 4 класса — Л., 1938.

26. Учебник нымыланского (коряк.) языка. Грамматика и правописание. ч. 1 (Для 1-го и 2-го кл. нач. школы). Составлен на основе стабильного учебника русского языка проф. П. О. Афанасьева и И. Н. Шапошникова — М.—Л., 1935 — 88 с.

27. Корякский исторический фольклор и зарождающаяся корякская литература: Рукопись.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

1. Коряцкие дети //Сов. Север. — 1930 — № 4.
2. Летучий нинвит — М.—Л., 1930.
3. Лымныло (нымыланские сказки) — Л., 1938.
4. Ненвуче-делегат — М.—Л., 1936.
5. Нымыланские (корякские) сказки /Собрал С. Н. Стебницкий — Л., 1938.
6. Пурга — М.—Л., 1931.
7. У коряков на Камчатке — М., 1931 — 60 с.
8. Чавчувенские и нымыланские (коряк.) сказки /Собраны С. Стебницким — М.—Л., 1936.
9. Школа на тундре — М.—Л., 1932.
10. Эгги-охотник — М.—Л., 1930.

ПЕРЕВОДЫ

1. **Байдуков Г.** Через полюс в Америку /Пер. на нымыланский (коряк.) язык С. Стебницкий — Л., 1939.

3. **Баранников И.** Сказки об Эмэмкуте /Пер. с коряк. С. Стебницкий — Л., 1940.

3. **Жуков Л.** Нотаймэ. Рассказ /Пер. с коряк яз. на рус. С. Стебницкий — М.—Л., 1938.

4. **Жулев П. Н.** Книга для чтения. ч. 1. Учебник для 1-го кл.

нач. школы /На нымыланский язык пер. С. Стебницкий — М.—Л., 1934.

5. **Кеккетын К.** Хоялхот /Пер. с нымыл. языка С. Стебницкий — Л., 1939.

6. **Лебедев В.** Кто сильней /Пер. на нымыланский (коряк.) язык С. Стебницкий — Л., 1938.

7. **Маршак С.** Школьные товарищи /Пер. на нымыланский (коряк.) язык С. Стебницкий — Л., 1938.

8. Мивит. Песня оленьего пастуха /Пер. С. Стебницкого //Камч. правда — 1978 — 31 дек.

9. **Тамби В.** Как люди научились летать /На нымыланский язык пер. С. Стебницкий — М.—Л., 1936 окр. музей.

РЕДАКТИРОВАНИЕ

1. **Жуков Л.** Нотаймэ: Рассказ на коряк. языке /Под ред. С. Стебницкого — М.—Л., 1938.

2. **Кеккетын К.** Книга для чтения /Под ред. С. Н. Стебницкого — М.—Л., 1936.

3. **Кеккетын К.** Последняя битва: Рассказ на нымыланском (коряк). языке /Ред. С. Н. Стебницкий — Л., 1936.

4. **Кеккетын К.** Эвныто-батрак: Рассказ на коряк. языке /Текст редактирован и подготовлен к печати С. Стебницким — Л., 1936.

5. **Корсаков Г. М.** Нымыланско-коряк. словарь /Под ред. С. Стебницкого — М., 1939.

6. Лоуроветлано-русский (чукотско-русский) словарь /Подгот. к печати Г. Мельников, Г. Корсаков, Т. Вельбах; Под ред. С. Стебницкого — М.—Л., 1937.

7. **Ляпидевский А.** Челюскинцы /Пер. на нымыланский (коряк.) язык Г. М. Корсаков; Под ред. С. Стебницкого — Л., 1939.

8. **Нутевьин К.** Сказки коряков реки Апуки /Под ред. С. Стебницкого — Л., 1936.

9. **Пушкин А.** Метель: Станционный смотритель: Рассказы /На нымыл. язык пер. К. Кеккетын; Ред. С. Стебницкий — Л., 1936.

10. **Тургенев И.** Муму: Рассказ /Сокр. пер. на нымыланский язык. Перевел К. Кеккетын; Проредактировал С. Стебницкий — Л., 1939. (окр. музей).

11. **Успенский Л.** Два полета. Зачем надо было лететь через Северный полюс /На коряк. язык перевела Н. А. Богданова; Ред. С. Стебницкий — Л., 1939. (Окр. музей).

12. **Чехов А.** Спать хочется; Беглец: Рассказы /Пер. на нымыланский (коряк.) язык К. Кеккетын; Под ред. С. Стебницкого — Л., 1936.

Список работ С. Стебницкого, имеющихся в окружной библиотеке

1. Коряцкие дети //Сов. Север — 1930 — № 4 (ксерокопия).

2. Нымыланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова. К вопросу о происхождении карагинского диалекта нымыланского (коряк.) язык в свете лингвистических материалов С. П. Крашенинникова //Сов. Север — 1939 — № 2 — с. 129—170 (ксерокопия).

3. Объяснительная записка и перевод к учебнику нымыланского (коряк.) языка. ч. 1. Для 1-го и 2-го кл. нач. школы — М.—Л., 1935 — с. 28.

4. Перевод на русский язык нымыланской (коряк.) книги для чтения « »,составленной Кецаем Кеккетыным — М.—Л., 1936.

5. Пурга — М.—Л., 1931 (ксерокопия).

6. У коряков на Камчатке — М.—Л., 1931 — 60 с. (ксерокопия).

7. Школа на тундре — М.—П., 1932 (ксерокопия).

ПЕРЕВОДЫ

1. **Байдуков Г.** Через полюс в Америку /Пер. на нымыланский (коряк.) язык С. Стебницкого — Л., 1939.

2. **Баранников И.** Сказки об Эмэмкуте /Пер. с коряк. С. Стебницкий — Л., 1940 (ксерокопия).

3. **Жуков Л.** Нотаймэ: Рассказ /Пер. с коряк. языка на русский С. Стебницкий — М—Л., 1938 (ксерокопия).

4. **Кеккетын К.** Хоялхот. /Пер. с коряк. языка на русский С. Стебницкий //Второе рождение. — М., 1983 — с. 126.

5. **Кеккетын К.** Эвныто-батрак: Рассказ /Пер. с коряк. языка С. Стебницкого — Л., 1936 (ксерокопия).

6. **Лебедев В.** Кто сильней /Пер. на нымыланский (коряк.) язык С. Стебницкий — Л., 1936 — 20 с.

7. **Маршак С.** Школьные товарищи /Пер. на нымыланский (коряк.) язык С. Стебницкий — Л., 1938.

8. **Мивит.** Песня оленьего пастуха /Пер. С. Стебницкого //Камч. правда — 1978 — 31 дек.

РЕДАКТИРОВАНИЕ

1. **Жуков Л.** Нотаймэ: Рассказ на коряк. языке /Под ред. С. Н. Стебницкого — М.—Л., 1938.

2. **Кеккетын К.** Последняя битва: Рассказ на нымыланском (коряк.) языке /Ред. С. Н. Стебницкий — Л., 1936.

3. **Кеккетын К.** Эвныто-батрак: Рассказ на коряк. языке /Текст

редактирован и подготовлен к печати С. Стебницким — Л., 1936.

4. **Ляпидевский А.** Челюскинцы /Пер. на нымыланский (коряк) язык Г. М. Корсаков: Под ред. С. Стебницкого — Л., 1939.

5. **Нутевьин К.** Сказки коряков реки Апуки /Под ред. С. Стебницкого — Л., 1936 (ксерокопия).

6. **Пушкин А.** Метель: Станционный смотритель: Рассказы /На нымыл. язык пер. К. Кеккетын: Ред. С. Стебницкий — Л., 1936.

7. **Чехов А.** Спать хочется: Беглец: Рассказы /Пер. на нымыл. (коряк.) язык К. Кеккетын: Под ред. С. Стебницкого — Л., 1936.

Литература о жизни и творчестве С. Н. Стебницкого

1. **Антропова В.** Представления коряков о рождении, болезни и смерти: (на основе материалов В. Иохельсона и С. Н. Стебницкого). //Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера — Л., 1976 — с. 254—267.

2. **Васильев В.** Связь времен: Лит. очерк (есть о Стебницком) //Камч. правда — 1978 — 6, 7, 12 дек.

3. **Иващенко Л.** О фольклорном наследии и жизненной основе (есть о Стебницком) //Коряк. коммунист — 1982 — 20 июня (У истоков коряк. литературы).

4. **Иващенко Л.** Поклон учителя: С. Н. Стебницкий о своих талантливых питомцах //Коряк. коммунист — 1982 — 24 июня (У истоков коряк. литературы).

5. **Капица Л.** Из истории одной русской семьи //Народное образование — 1991 — № 7 — с. 102—111.

6. **Комановский Б. Л.** Пути развития литератур народов Крайнего Севера и Дальнего Востока — Магадан, 1977 — с. 54.

7. **Миронов Г.** С. Н. Стебницкий //Коряк. коммунист — 1963 — 11 дек.

8. Просвещение на Крайнем Севере — Л., 1967 — с. 39.

9. **Тапанан И.** Язык — душа народа //Корякское ожерелье — М.—Палана, 1990 — с. 29—30.

10. **Ткач Г., Черненко Т.** Учитель пришел в тундру (есть материал о Стебницком) //Камч. правда — 1947 — 6 окт.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

1. От составителя 1

2. Л. Капица. Из истории одной русской семьи . 2

3. Жители округа о С. Н. Стебницком 13

4. Стебницкий С. Н. Пурга 15

5. Библиография работ С. Н. Стебницкого . . . 29